

ДОМОЙ

Когда Азриэль объявил, что снова покидает Америку и уезжает на родину, в свой Ново-Николаевск, все знакомые напали на него, как на безумного. Кто в гневе кричал и бранился, кто весело издевался и гоготал.

- На родину?.. Но ты взбесился?.. Дубина ты, на родину?!

Азриэль отмалчивался.

Он был малый простоватый, мысли рождались у него медленно, слова приходили лениво и с трудом, а когда уже и приходили, то оказывались как будто не совсем теми, которые нужны... Переспорить кого-нибудь он не надеялся и оправдаться не был бы в силах. Он поэтому молчал.

- Ты же сумасшедший, - с негодованием кричали ему. - На родину, туда, где тебя разорили, где убили твоего дядю, где сестру твою сослали на край Сибири, а брата дважды ранили! Там каждый день могут убить и тебя, и всю твою семью!

У Азриэля была широкая спина, большие крепкие руки, тяжелая голова с густой огненной бородой и круглые выпуклые, синие как небо глаза. Он задумчиво вперял эти глаза вдаль, когда его бранили, и в них появлялось тогда выражение спокойного упрямства. Мозг его работал напряженно, но неуклюже и как бы спотыкаясь.

"Говори. Что хочешь, говори... Дядю убили, да... И сестру Соню сослали - Туруханский край называется это место... Брата Симона ранили - сперва на баррикаде в ногу, а потом, когда был в самообороне, в грудь... Раны, - пишет отец, - до сих пор не могут закрыться, от них свело левую ногу, и Симон стал хромым... Да, это верно... Ну так что же? Так поэтому и оставаться здесь, в этой Америке?"

Пусть кто хочет, тот и остается. Азриэлю здесь нет покоя ни днем, ни ночью... Вот твердят знакомые в один голос, что на родине скверно. И это таки правда, что скверно; ого, какая это святая правда!.. Грязное местечко Ново-Николаевск, маленькое, улиц нет, домишки ничтожные, темно, воют по ночам собаки, а урядник Афанасий Иванович, так он злее всех собак вместе... Да, очень нехорошо в Ново-Николаевске.

Азриэль старался вспомнить все самое неприглядное и мрачное о родине... Это удастся ему без особенного труда... Но результат не меняется, и настроение остается все то же: тоска и тоска. Тоска и невольные грезы о родных местах... "Там Буг... Ведь Буг там!.. Зимой он замерзает. А летом в нем купаешься... Песок на берегу, а местами осока... Около винокурни песок, а где начинается лесочек, там осока... Когда базарный день, то во всем местечке большое оживление... Съедутся мужики, кто с молоком и яйцами, кто с пшеницей, кто поросят пригонит. Такой гармидер подымается, точно свадьба... Визжат поросята - черт знает, как громко они визжат!.. Овцы, например, - те ничего, те молчат. А поросята - поросята визжат, точно их режут. И гуси тоже гогочут... Народу пропасть, всех знаешь в лицо и по имени, и прошлое каждого знаешь, и виды на будущее... За церковной оградой - сад... Вообще - есть сады... Митингов нет - ого, задаст тебе Афанасий Иванович митинги! И театра нет, и газета не выходит, нет электрической железной дороги, - даже не знают люди, что бывает на свете такая дорога. Ну так пусть она и пропадает, эта электрическая дорога! Кому она нужна?.. С ее грохотом, с ее свистом, с ее быстротой, - пусть она пропадет пропадом".

Оттого, что ум у Азриэля неповоротливый, парень в детстве учился плоховато. В торговле он тоже не успевал. Ремесло давалось ему лучше. Здесь, в Америке, упорным трудом и скромной жизнью, граничившей с настоящей голодовкой, он сумел сколотить кое-какие сбережения. Сколотив их, он вернулся на родину и открыл мебельную лавку. Но случился погром, лавку разграбили, и Азриэль обнищал. Вторично поехал он в Нью-Йорк, вторично скопил здесь маленькую сумму, и, как и тогда, как и пять лет назад, снова стало его тянуть домой.

- Смеются надо мной? Ну что ж, пускай себе смеются.

И хоть не слишком проникательный был он человек, он видел все-таки ясно, что веселости в смехе этом немного. Смеются, а у самих кошки на душе скребут. Издеваются, а у самих печаль в сердце... И на него, Азриэля, сердятся потому, что своими грезами и постоянными разговорами о родине он только бережит незажившие, незаживающие раны... Что ж, с этими ранами надо обходиться осторожно. И не надо ничего больше говорить об отъезде. Надо молчать.

А в конце зимы, взяв из банка свои деньги, он сел на пароход и уехал в Россию.

Знал он, что и дома не одобряют этого поступка его, но на все махнул рукой. "Пусть попробуют сами, тогда и будут знать..."